

орган, в том числе лицом, к которому право на подачу заявки перешло по наследству.

Право на получение патента на изобретение, полезную модель, промышленный образец, сорт растения, право на подачу заявки на регистрацию топологии интегральной микросхемы привлекает наше особое внимание в силу отсутствия прямого указания на его имущественный характер. Более того, ряд авторов называет его неимущественным правом, возникающим у автора на основании факта создания результата интеллектуальной деятельности. Мы же с очевидностью наблюдаем, что законодатель подходит к нему как к праву отчуждаемому, что является одной из характеристик имущественных прав. Придерживаясь мнения об имущественной природе этого права, предлагаем прямо закрепить это в Законе о патентах, Законе о сортах растений и Законе о топологиях. При этом можно решить и ряд иных задач, связанных с проблемами оформления наследственных прав на данное право, отчуждения права на получение патента и права на подачу заявки по договору.

В сфере права промышленной собственности, в первую очередь, в патентном праве существуют и иные права, природа которых не определена в законодательстве. Это право преждепользования, право послепользования, право на восстановление действия патента, если действие патента было прекращено вследствие неуплаты в установленный срок патентной пошлины. Соответственно, учитывая минимальное регулирование в действующем законодательстве, оформить переход данных прав к наследникам практически невозможно, что нельзя признать правильным, исходя из природы названных прав и потребностей правоприменительной практики.

О НОВЫХ ПОЗИЦИЯХ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО РАССМОТРЕНИЮ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С ЗАЩИТОЙ СЕМЕЙНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Ильина Ольга Юрьевна,

заведующая кафедрой гражданского права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования

«Тверской государственный университет» (г. Тверь),

доктор юридических наук, профессор

kinder_advokat@rambler.ru

Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) регулирует достаточно широкую сферу семейных отношений, что, в свою очередь, объективно предполагает возникновение различных видов семейно-правовых споров, нуждающихся в разрешении судом. В те-

чение 2017 года Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум ВС РФ) принял три постановления, содержащих разъяснения по вопросам применения судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с осуществлением и защитой семейных прав граждан:

от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» (далее – постановление об установлении отцовства);

от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» (далее – постановление о защите прав ребенка в семье);

от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» (далее – постановление об алиментах).

Пленум ВС РФ не только дал судам новые установки и разъяснения, обусловленные актуализацией семейного, гражданского процессуального и иного отраслевого законодательства, но и выразил свою позицию по новым категориям споров, связанных с защитой семейных прав граждан.

Изучение содержания вышеназванных постановлений позволяет утверждать, что стиль и форма подачи Пленумом ВС РФ отдельных разъяснений фактически представляет собой новую правовую норму. Приведем некоторые примеры.

Высокую степень общественного резонанса имеют рассматриваемые судами споры между суррогатной матерью и супругами-заказчиками по договору о суррогатном материнстве. В соответствии с п. 4 ст. 51 СК РФ супруги, которые в письменной форме дали согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери). Однако встречаются случаи, когда суррогатная мать привыкает к своей беременности и после рождения ребенка отказывается передать его стороне по договору (супругам-заказчикам).

Казалось, норма, предусмотренная в п. 4 ст. 51 СК РФ, имеет императивное содержание – приоритет имеют права и интересы суррогатной матери, что позволяет ей оставить себе выношенного и рожденного ею ребенка. Именно так ее содержание и истолковывалось правоприменителями до соответствующих разъяснений нормы Пленумом ВС РФ. В п.31 постановления об установлении отцовства от-

мечается: «... судам следует иметь в виду, что в случае, если суррогатная мать отказалась дать согласие на запись родителями указанных выше лиц (потенциальных родителей), то данное обстоятельство не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание. В целях правильного рассмотрения дела суду, в частности, следует проверить, заключался ли договор о суррогатном материнстве и каковы условия этого договора, являются ли истцы генетическими родителями ребенка, по каким причинам суррогатная мать не дала согласия на запись истцов в качестве родителей ребенка, и с учетом установленных по делу обстоятельств, а также положений статьи 3 Конвенции о правах ребенка разрешить спор в интересах ребенка».

Таким образом, Пленум ВС РФ опроверг однозначность нормы ст. 51 СК РФ, что, кстати, подчеркивается использованием в ее редакции слова «только», тем самым определив новый вектор в рассмотрении судами дел, связанных с защитой семейных прав граждан в сфере применения вспомогательных репродуктивных технологий.

В постановлении о защите прав ребенка в семье Пленум ВС РФ затронул несколько категорий споров, так или иначе затрагивающих права ребенка в семье, уделив в большей степени внимание делам об ограничении и лишении родительских прав. Учитывая, что действующее законодательство допускает различные модели правоотношений по семейному воспитанию ребенка, весьма важно установить различия в правовом режиме ответственности родителей и иных лиц, на воспитание в семью которых передан ребенок.

Как известно, при усыновлении ребенок юридически входит в состав семьи своего усыновителя, возникающее при этом правоотношение по воспитанию ребенка тождественно по сути правоотношению между родителями и детьми. В связи с этим возникает вопрос о применении к усыновителям таких мер ответственности как ограничение в родительских правах и лишение родительских прав.

Обращает на себя внимание некоторая непоследовательность Пленума ВС РФ. В частности, в п. 14 подчеркивается: «Не могут быть лишены родительских прав лица, заменяющие ребенку родителей (усыновители, опекуны, ...)». Однако в п. 10 данного постановления отмечается: «В случае, если отсутствуют установленные законом основания к отмене усыновления ребенка (ст. 141 СК РФ), однако оставление ребенка с родителями (одним из них) опасно для ребенка по обстоятельствам, не зависящим от усыновителей, ... исходя из аналогии закона к усыновителям (одному из них) может быть

предъявлен иск об ограничении их в правах родителей, приобретенных ими в результате усыновления ребенка». Таким образом, Пленум ВС РФ допускает ограничение усыновителей в «правах родителей», но исключает возможность лишения усыновителей «прав родителей». Представляется, что применение аналогии закона должно подчиняться и формальной логике: специфика правоотношений по воспитанию ребенка в семье усыновителей обуславливает и особый режим применения судом мер ответственности, что, как следует из действующего законодательства, может выражаться лишь в отмене усыновления. СК РФ не предусматривает такой меры ответственности усыновителей, как ограничение их в «правах родителей», следовательно, и Пленум ВС РФ не вправе давать разъяснение несуществующей правовой нормы.

Апеллируя к аналогии закона, Пленум ВС РФ фактически установил новую правовую норму и в постановлении об алиментах. Как известно, ст.ст. 89 и 90 СК РФ предоставляют право жене (бывшей жене) при определенных условиях требовать от мужа (бывшего мужа) выплаты алиментов на свое содержание. Обратим внимание, речь идет не «супруге» вообще – субъекте семейных правоотношений, как это имеет место в других статьях СК РФ (например, ст.ст. 91, 92 и др.), а именно о жене. Не вступая в дискуссию об основаниях данного приоритета, отметим лишь категоричность позиции законодателя в части установления круга супругов-получателей алиментов.

Однако в п. 44 названного постановления указывается: исходя из аналогии закона муж (бывший муж) вправе обратиться в суд с иском к жене (бывшей жене) о предоставлении ему содержания до достижения ребенком возраста трех лет. Да, Пленум ВС РФ обозначает дополнительное условие: если уход за общим ребенком осуществляет отец, а мать ребенка устранилась от его воспитания и содержания. Однако по сути соответствующие разъяснения устанавливают новое правило, не предусмотренное СК РФ.

Безусловно, институт аналогии закона призван восполнять существующие пробелы в механизме правового регулирования, в том числе и семейных отношений, но это не должно противоречить существу данных отношений. Полагаем, что законодатель вовсе не случайно наделил именно жену правом требовать взыскание алиментов на свое содержание, а соответствующие разъяснения Пленума ВС РФ искажают волю законодателя в достижении целей семейно-правового регулирования.

Приведенные примеры далеко не единичны, но их демонстрация позволяет обозначить проблему формирования соответствующей

судебной практики на основании восприятия нижестоящими судами позиции Верховного суда РФ по рассмотрению дел, связанных с защитой семейных прав граждан. Суждения же автора могут выступить стимулом для последующей научной дискуссии.

СУЖДЕНИЯ Н.Г. ЮРКЕВИЧА О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ГРАЖДАНСКИМ ПРАВОМ

Кадури́н Алексе́й Юрье́вич,

доцент кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности Белорусского государственного университета
(г. Миснк), кандидат юридических наук
alkad@tut.by

Николай Григорьевич Юркевич – выдающийся ученый, внесший вклад в осмысление различных правовых проблем, в том числе и злоупотребления гражданским правом. При этом выводы Н.Г. Юркевича о данном явлении, сформулированные им в 70–80-е годы XX века, отличаются от господствовавшего в советских республиках подхода к пониманию злоупотребления гражданским правом. В советский период понятие «злоупотребление правом» отождествляется, прежде всего, с осуществлением прав в противоречии с их назначением: социально-хозяйственным назначением, назначением права в социалистическом обществе в период строительства коммунизма [2, с. 16].

Н.Г. Юркевич же отмечает, что специфика противоправности злоупотребления гражданским правом, прежде всего, заключается в аморальности соответствующего поведения. Ученый утверждает, что несоответствие поведения правилам совместного общежития и моральным принципам общества является первым, «настораживающим» признаком противоправности соответствующего поведения [1, с. 54].

Кроме того, Н.Г. Юркевич выделяет еще один признак злоупотребления гражданским правом – несоразмерность интересов управомоченного и лица, которому в результате осуществления права причиняется вред. Ученый пишет: «Если право осуществляется в собственных интересах, но одновременно с этим причиняется некоторый вред другому, злоупотребления правом нет. Исключение из этого правила допускается лишь для случаев, когда осуществлением права нарушается гораздо более важный интерес другого лица» [1, с. 53]. Соответствующий вывод автор поясняет следующим примером. «... Гражданин не имеет права на возобновление договора жилищного найма в доме другого гражданина и подлежит выселению, если он проживает в помещении по договору, заключенному на срок не свы-